

Ю.С. Подлубнова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

«ЁБУРГ» АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА: ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ «ГЕНИЯ МЕСТА»

Статья посвящена анализу творческих стратегий писателя Алексея Иванова, позиционирующегося на Урале в качестве нового литературного «гения места» (после Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Бажова) и сменившего в 2012-2014 гг. локальные предпочтения: от Перми к Екатеринбургу. В центре внимания — художественно-публицистическая книга «Ёбург», в которой писатель предпринимает попытку конструирования образа города и обращается к мифологеме «уральский характер». Алексей Иванов в этой книге оказывается екатеринбуржцем по месту обитания и самоощущению, соответствуя духу и характеру города, населенного харизматичными лидерами, нацеленными на действие и созидание.

Ключевые слова: Урал, Алексей Иванов, «Ёбург», «гений места», Пермь, образ Екатеринбурга, авторские стратегии

Yulia Podlubnova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

«E-BURG» BY ALEXEY IVANOV: SOME PROBLEMS OF GENIUS LOCI LOCALIZATION

The article analysis of some creative strategies of the writer Alexei Ivanov who is positioned in the Urals as a newliterary geniusloci (after D.N. Mamin-Sibiryak and P.P. Bazhov). In 2012–2014 the writer has changed hislocal preferences from Perm to Ekaterinburg. Our focus is on the artistic and journalistic book «E-burg». The writer makes an attempt to update the image of the city and mythologeme «the Urals character». Alexei Ivanov in this booklookslike a Ekaterinburg citizen who thinks about the place of his dwelling and self-perception. It corresponds to the spirit and character of the city populated by charismaticleaders who acts and creates.

Keywords: Ural, Alexei Ivanov, «E-burg», genius loci, Perm, the image of Ekaterinburg, author's strategies.

Алексею Иванову в определенном смысле повезло: начиная с 2005-2006 гг., когда продвижением его книг на российский рынок занялось издательство «Азбука-классика», писатель, не достигший возраста 40 лет, стал все больше позиционироваться и соответственно восприниматься читающей публикой, по крайней мере, на Урале, как новый «гений места». Так, например, Г.М. Ребель в критическом эссе 2006 года дает своеобразное определение «гения места» и охотно применяет его по отношению к Алексею Иванову: «Гений места — это не тот, кто закопался в родимый локус и смахивает его извины и изгибы, игнорируя внеположное пространство, а тот, кто историко-географическое «наследье родовое»

превращает в средоточие общенациональной, мировой жизни, в розу мировых ветров. Иванов и есть Гений места» [4]. И это показательно, как в середине первого десятилетия XXI века произошел ребрендинг писателя Алексея Иванова: из известного в узких кругах любителей фантастики и недовольного своим статусом прозаика, автора романов «Общага-на-Крови» и «Географ глобус пропил», он перешел на иное положение: певца родного края, его историографа и сказителя, которого читающая публика готова сравнивать с Д.Н. Маминым-Сибиряком или П.П. Бажовым.

Новый статус писатель получил во многом благодаря стратегии, связывающей его имя с регионом и заставляющей увидеть территорию в новом модернизированном ракурсе. Продолжу цитировать Г.М. Ребель: «Разумеется, и до Иванова, и помимо Иванова литература о Перми и в Перми существовала и продолжает существовать, но именно под его пером Пермь собирается в единый образ, обретает мистическое (вирту-

© Подлубнова Ю.С., 2018

Подлубнова Юлия Сергеевна, к.филол.н., научный сотрудник сектора истории литературы ИИиА УрО РАН, заведующий музеем «Литературная жизнь Урала XX века», доцент кафедры издательского дела УрФУ
tristia@yandex.ru

альное) тело и душу, обрастают художественной историей, мифологией и легендами и становится явлением национального масштаба. Причем это не город Пермь, или Пермское княжество XV века, или Чусовские заводы конца XVIII, и уж тем более не Пермская область, это — Пермский космос, расчерченный неповторимыми по своему облику и характеру реками и горами, заросший непролазным, угрюмым, зловещим и в то же время таинственно-прекрасным лесом, населенный разноликими и разноязыкими народами, одухотворенный индивидуальными и коллективными человеческими порывами, страстями, схватками, преступлениями и подвигами» [3, 73]. Писатель продуманно отказался от замкнутой на самой себе региональности и включил Пермь в общероссийскую карту территорий с ярко выраженной идентичностью. Как указывает М.А. Литовская, «рассказанные А.Ивановым истории Пермского края оказываются своего рода квинтэссенцией российской истории в ее имперском изводе — историей созиания земель, поисков форм правления <...> Он предлагает позитивное конструирование национальной истории, задавая идею государства, в котором периферия, оказываясь формально репрессированной, имеет право на свой голос и реализует это право» [4]. Не случайно, раскрутку и продвижение к самой широкой публике Алексея Иванова поддерживали пермские региональные власти, явно ощущавшие созвучность романов «Сердце Пармы» или «Золото бунта» текущему моменту, курсу на сильное государство с реставрацией имперских элементов.

Возможно, не последнюю роль в формировании имиджа и статуса уральского писателя сыграл проект «Пермь — культурная столица», в его ориентированной на Москву части активно нелюбимый Алексеем Ивановым, однако безусловно привлекший внимание культурной публики к городу и региону. Само противостояние писателя и проекта, создаваемого не просто москвичами, но и привезенными знаменитостями из разных стран, инициированное именно писателем, так или иначе интегрировало его в PR-кампанию проекта и стало работать в том числе на PR самого Алексея Иванова как писателя Перми, утверждая тем самым, особенно на фоне приезжих, его статус «гения места».

Сверхзадачей пермского прозаика в этот период творческой активности становится, как справедливо обозначает М. А. Литовская [3], перекраивание символической карты Урала, подразумевающее перенесение символического центра со Среднего, так называемого бажовского Урала, в Прикамье, имеющее более обширную историю и богатый культурный слой, однако менее представленного в популяризованных художественных образах. Алексей

Иванов выступал одновременно и как просветитель и как популяризатор, что только укрепляло его статус «гения места» и предвещало дальнейшие действия в этом направлении.

Однако вектор развития Алексея Иванова оказался отнюдь не односторонним. Заметные изменения произошли после 2010 г., когда прозаик начал работу над циклом о дэнжерологах, принципиально отказавшись от того, что В.В. Абашев называет геопоэтикой. В новых его романах «Псоглавцы» (2011) и «Комьюнити» (2012) действие разворачивалось в Нижегородской области и Москве, при этом данные территории и их идентичность не представляли интереса для писателя, решавшего иные культурологические задачи. Показательно, что роман «Псоглавцы» был изначально выпущен под псевдонимом Алексей Маврин, маркирующим образование/реализацию иной авторской личности, нежели столь привычная читателю ивановская, что в целом указывало на стратегические подвижки и некоторую усталость писателя от ранее выбранного курса.

Разумеется, Алексей Иванов и после 2010 г. не порывал с Уралом и не отказывался от созданного образа региона, равно как и от самой задачи по созданию этого образа. Тем не менее, стратегические подвижки продолжали ощущаться. В частности Иванов принял предложение Министерства культуры Свердловской области, решившего вплотную заняться брендированием и раскруткой собственной территории, и по заказу власти создал книгу «Горнозаводская цивилизация» (2013), в которой внешне попытался избежать центрирования территории, концептуально охватив весь горнозаводской Урал, однако подспудным образом проводя идею региональной столичности Екатеринбурга, изначально имеющего соответствующие горнозаводские амбиции и в этом качестве сменяющего парадигму древней и загадочной Перми.

В 2014 г. появляется «Ёбург», книга, даже большая по объему, чем «Горнозаводская цивилизация», и уже не скрывающая симпатии прозаика к «хайтек-мегаполису» [1, 11] Екатеринбургу, его ландшафтам и его героям. При этом, сложно говорить о заказной природе данной книги, по крайней мере, соответствующих маркеров в ней, в отличие от предыдущей, не содержится: все, что находим под обложкой — благодарность Алексею Бадаеву, министру культуры Свердловской области в 2010-2012 гг., общавшемуся с писателем и, по словам оного, «помогшему выйти в путь» [2, 8], способствовавшему созданию книги. В любом случае, стоит предположить, что у прозаика были иные мотивировки для написания «Ёбурга», чем сотрудничество с властью.

Если делить книги Алексея Иванова, написанные исключительно на уральском материале, на «исторические» и посвященные современности, то «Ёбург», без сомнения, относится к последним. Перед нами целостное феноменологическое исследование города эпохи конца 1980 – начала 2000-х гг., предлагающее оригинальный авторский концепт: «Даже на слух энергичное и краткое название Ёбург как-то соответствует сути того Екатеринбурга — города лихого и безбашенного, стихийно-мощного, склонного к резким поворотам и крутым решениям, беззаконного города, которым на одной только воле рулят жесткие и храбрые, как финикийцы, лидеры-харизматики. Хулиганское имя Ёбург — символ прекрасного и свободного времени обновления» [2, 13]. Есть в книге и объяснение, почему именно Екатеринбург стал объектом исследования писателя: «Важно, что Ёбург не прятался от истории и никому не позволял отвечать за себя. И удивительно, что решения Ёбурга часто оказывались более остроумными или более адекватными, чем решения Москвы или решения российской провинции. Вот по этим причинам яркий опыт уже ушедшего от нас Ёбурга общеизначим для нации» [2, 574].

Таким образом, Алексей Иванов, прямо противоречь своей прежней сверхзадаче, вновь помещает статус символического центра региона на Средний Урал, утверждая Екатеринбург в качестве его столицы, имеющей ярко выраженную идентичность и распространяющей влияние в том числе за его пределы.

Совершенно очевидно, что книга и обновленный образ региона, представленный в ней, манифестируют изменение отношения писателя к Перми и Екатеринбургу, а также изменение представления о собственной роли и статусе уральского писателя. В данном случае происходит своеобразный отказ от узкой пермской локализации, ощущаемой теперь в качестве ограничивающей пространство для роста, и попытка закрепления статуса всеуральского писателя, локализованного в столичных для региона топосах: древней Перми и современном Екатеринбурге, с явным предпочтением последнего.

Очевидно, что, обращаясь к Екатеринбургу конца 1980 – 1990-х гг. и жанру эссе, писатель актуализирует часть своей биографии, ранее им невостребованную, напрямую связанную с жизнью в Свердловске и учебой на факультете журналистики Уральского университета и дающую основание писать о городе и о времени с позиции очевидца и участника событий, неравнодушного горожанина и ироничного журналиста с литературным именем и амбициями. Алексей Иванов в этой книге оказывается екатеринбуржцем по месту обитания и самоощущению, соответствующему духу и характеру города, населенного харизматичными лидерами, нацеленными на действие и созидание:

от Росселя до Ройзмана, от Коляды и Кормильцева до Александра Новикова и городского поэта-сумасшедшего Спартака. Подчеркнем, что не ландшафты оказываются определяющими в случае концептуализации Ебурга, а люди, населяющие город, и их поступки, и это заметным образом отделяет новую книгу от книг Иванова, нацеленных на созидание пермского космоса. «Ёбург» — следующий шаг писателя по закреплению статуса уральского «гения места», уже освоившего историю края и уже вербализовавшего особенности пространственных моделей региона. «Ёбург» — исследование уральского характера и в целом способности уральского человека к действованию.

Заметно, что Алексею Иванову одинаково симпатичны поэты Борис Рыжий и Роман Тягунов, строитель МЖК Евгений Королев, лидеры городских преступных группировок, бизнесмен и политик Антон Баков, напечатавший уральские франки, или, скажем, всенародный дворник старик Букашкин, поименованный в книге «гением места». «Букашкин — трезвая, внятная и продуманная стратегия, вписанная в пространство города. Не обладая особыми талантами, Малахин сделал искусством жизнь художника, а не его произведения. Сделал искусством метод художественного высказывания, а не само высказывание. Потому Букашкин и превратился в миф Ёбурга, оказался пенатом и гением места» [2, 266]. Последовательно выстраивая ряд харизматиков писатель вольно или невольно включает в него еще одного, не представленного в книге биографически, но присутствующего в каждой ее строке: писателя Алексея Иванова, отныне не ограниченного в своей локализацией Пермью, а вольного выбирать контексты творческой биографии, и эти контексты оказываются екатеринбургскими и стратегически заведомо успешными.

Пермский «гений места», таким образом, становится делокализован, он сознательно расширяет освоенную территорию до всего Урала, присваивая самый большой и успешный город региона, с его действиями и брендами. Алексей Иванов выбирает экспансионистскую стратегию, все более утверждаясь в статусе «гения места» за счет расширения в этом устойчивом словосочетании самого понятия места.

Библиографический список

1. Иванов А.В. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014.
2. Иванов А.В. Ёбург. М.: АСТ, 2014.
3. Ребель Г. Явление Географа, или Живая вода романий Алексея Иванова // Октябрь. 2006. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2006/4/re8.html>. (дата обращения: 05.05.15).
4. Литовская М.А. Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова — Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2006. С. 66-75.